

Правило трех нет

ЗИННАТОВА
ВЮЛЕТТА

Виолетта Зиннатова

Правило трех Нет

<https://litres.ru/73870749>

ISBN 9785006957695

Аннотация

Ли́ка ненавидит шум. Она корректор в издательстве, живёт с котом Бенедиктом и выстроила свою жизнь по правилу трёх «Нет»: никакого шума, никакого беспорядка, никаких чужих в доме. Платон — инженер-конструктор, который не мыслит работы без громкой музыки и разбросанных чертежей. Когда он въезжает в квартиру этажом выше, их столкновение кажется неизбежным. Но однажды Бенедикт оказывается на карнизе, и Платон, рискуя жизнью, лезет его спасать.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Человек, который не танцует	6
1.1. Утро, которое обещало тишину	6
1.2. Сосед с перфоратором	11
1.3. Знакомство с гвоздём в зубах	16
1.4. Правило трёх «Нет»	21
Глава 2. Человек с мотком верёвки	25
2.1. Воскресная катастрофа	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Правило трех Нет

**Виолетта Ильдаровна
Зиннатова**

Иллюстратор Виолетта Ильдаровна Зиннатова

© Виолетта Ильдаровна Зиннатова, 2026

© Виолетта Ильдаровна Зиннатова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-5769-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Это была история о тишине. О той тишине, которую можно потрогать руками, которой можно дышать, в которой можно раствориться, как в тёплом море. Лика строила свою тишину годами — кирпичик за кирпичиком, правило за правилом.

Правило первое: нет шуму.

Правило второе: нет беспорядку.

Правило третье: нет чужим в доме.

Три «Нет», которые защищали её от мира. Три стены, за которыми она чувствовала себя в безопасности. Три заповеди, которые нарушил один человек с мотком верёвки и гвоздём в зубах.

Это история о том, как тишина стала музыкой. О том, как порядок уступил место жизни. И о том, как чужой человек оказался самым родным.

И ещё здесь был кот. Рыжий философ по имени Бенедикт, который знал всё задолго до того, как это случилось. Но, как истинный философ, предпочитал наблюдать и ждать.

Глава 1. Человек, который не танцует

1.1. Утро, которое обещало тишину

Ли́ка проснулась от собственного дыхания. Это было ее любимое состояние — то редкое утро выходного дня, когда не нужно вскакивать по будильнику, когда можно полежать с открытыми глазами, слушая, как за окном возятся воробьи, а в соседней комнате Бенедикт перебирает лапами по паркету, направляясь к своей миске с видом римского патриция, обходящего владения.

Она любила такие утра. Любила медленный кофе в турке с кардамоном, любила шершавую прохладу подоконника, на который можно поставить кружку и смотреть во двор, где бабушки в платочках уже выгуливают такс, а молодые мамы катят коляски с капризными младенцами. В этом ритме было что-то успокаивающее, вневременное, надежное.

Квартира на пятом этаже старой сталинской постройки досталась Лике от бабушки два года назад, после того как та уехала к старшей дочери в Краснодар. Здесь все дышало памятью: высокие потолки с лепниной, дубовый паркет, который скрипел на одних и тех же половицах уже полвека, тя-

желые портьеры на окнах и бабушкин сервант с хрусталем, который Лика ни за что не соглашалась убрать, хотя никогда им не пользовалась. Ей казалось, что стоит убрать сервант — и исчезнет что-то важное, связь с детством, с бабушкиными пирогами, с запахом нафталина и старых фотографий.

Бенедикт, разумеется, считал себя полноправным наследником всего этого великолепия. Рыжий, пушистый, с белым кончиком хвоста и мордочкой, выражавшей неизменное философское спокойствие, он восседал на подоконнике, наблюдая за птицами с таким видом, будто писал научный трактат об их повадках.

— Доброе утро, — сказала Лика, проходя на кухню.

Бенедикт дернул ухом — этого приветствия было достаточно. Она насыпала ему корм, поставила турку на плиту и включила радио на минимальную громкость. Голос ведущей звучал приглушенно, как шепот в библиотеке. Лика любила, чтобы звуки были дозированными, контролируемые, предсказуемые. Шум, врывающийся без спроса, нарушал ее внутренний баланс, как фальшивая нота в отлаженной мелодии. Впрочем, это определение требовало уточнения. Существовал определенный, выверенный годами проживания в большом городе уровень звуков, которые она была готова терпеть. Гул метро за окном — поезда где-то глубоко под землей создавали едва уловимую вибрацию, от которой чуть заметно звенели хрустальные рюмки в серванте. Шины автомобилей на мокром асфальте — этот звук она даже люби-

ла, он напоминал о детстве, о долгих поездках с родителями на юг. Приглушенные голоса соседей за стеной — их она научилась игнорировать, как тиканье часов.

Но сегодня утро было особенным. Сегодня Лика чувствовала ту редкую внутреннюю тишину, которая наступает, когда все дела переделаны, все сроки выдержаны и можно позволить себе роскошь ничего не делать. Она медленно пила кофе, наблюдая, как за окном просыпается город. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, залаяла собака, заворчал мотор старого автомобиля — все это было частью знакомой, убаюкивающей симфонии.

Бенедикт, покончив с завтраком, запрыгнул на подоконник рядом с ней и принялся умываться, периодически поглядывая на хозяйку с выражением: «Видишь, как хорошо мы живем? Ни суеты, ни лишних людей».

— Вижу, — ответила Лика, хотя кот, разумеется, не спрашивал вслух.

Она достала с полки книгу, которую накануне принесла подруга Нина. «Это бомба, — уверяла та. — Взорвет мозг, но очень тихо, потому что японский минимализм». Лика скептически хмыкнула, но книгу взяла. Нина была художницей, жила шумно, ярко, с постоянными творческими кризисами и бурными романами, но книги рекомендовала редко, но метко. Лика открыла первую страницу, вдохнула запах свежей типографской краски (она любила этот запах с детства, еще с тех пор, как бабушка подписывалась на толстые

литературные журналы) и погрузилась в чтение.

Герой романа сидел в саду камней и пытался достичь сатори, созерцая валун. Проходили страницы, герой сидел, камень лежал, ничего не происходило, но в этом бездействии было что-то завораживающее. Лика читала и думала о том, что ее собственная жизнь чем-то похожа на этот сад камней. Размеренная, упорядоченная, предсказуемая. Работа корректором в издательстве, где она правила чужие тексты, вычищая ошибки и находя жемчужинки точных фраз. Вечера с книгой и Бенедиктом. Редкие встречи с Ниной, которые она нормировала, потому что после Нины всегда оставалось легкое головокружение и желание полежать в тишине. И никаких потрясений.

Идеально, думала Лика. Именно так и должна выглядеть жизнь человека, который однажды решил, что с него довольно сюрпризов. После Константина, после его громких уходов и возвращений, после бесконечных «давай попробуем еще раз» она твердо усвоила: счастье — это когда ничего не происходит. Когда никто не врывается в твою жизнь с цветами и обещаниями, которые никогда не сбудутся.

Она перевернула страницу. Герой наконец моргнул. Прогресс. Бенедикт рядом сладко зевнул, демонстрируя розовый язык и острые клыки, и свернулся клубком, готовясь к утренней дремоте. Солнце поднималось выше, заливая комнату золотистым светом. Во дворе бабушки уже разошлись по домам, уступив место молодым мамам с колясками. Жизнь тек-

ла своим чередом. Лика дочитала до того места, где героиня наконец достиг сатори (камень, кажется, чуть заметно шевельнулся, или это только показалось), и отложила книгу. Весь день впереди. Можно прибраться, можно сходить в магазин за продуктами, можно просто сидеть у окна и смотреть на облака. Никто не мешает, никто не требует внимания, никто не нарушает тишину. Она улыбнулась и погладила кота. Бенедикт приоткрыл один глаз, убедился, что хозяйка на месте и все в порядке, и снова закрыл.

День обещал быть идеальным. Лика еще не знала, что ровно в семь часов вечера в ее жизнь ворвется шум, который не поддается классификации. Что наверху поселится человек, который перевернет все ее представление о порядке и тишине. И что кот, этот философ и домосед, первым почувствует перемены — и примет их. Но это будет вечером. А пока было утро. Теплое, солнечное, тихое. Утро, которое обещало, что так будет всегда.

1.2. Сосед с перфоратором

День прошел именно так, как и обещал: неторопливо и уютно. Лика прибралась в квартире, сходила в магазин за продуктами, даже испекла яблочный пирог — бабушкин рецепт, который всегда удавался, сколько бы она ни готовила. К вечеру квартира наполнилась теплым, пряным ароматом корицы и яблок, и Лика, довольно жмурясь, поставила пирог остывать на подоконник. Бенедикт крутился рядом, выразительно поглядывая то на пирог, то на хозяйку.

— Нельзя, — строго сказала Лика. — Тебе нельзя. Там сахар и тесто. Получишь кусочек курицы.

Бенедикт вздохнул с философским смирением и удалился в кресло — делать вид, что ему все равно.

Лика налила себе чай, взяла книгу и устроилась в своем любимом кресле. Герой романа все еще сидел в саду камней, но теперь, кажется, начинал подозревать, что камень на него смотрит. Лика усмехнулась — японский минимализм определенно имел свои темные стороны.

За окном смеркалось. Вечер опускался на город мягко, как одеяло, укутывая дома в сиреневые сумерки. Где-то вдали зажглись первые фонари, и двор постепенно наполнялся тем особенным, предвыходным спокойствием, когда люди возвращаются с работы и знают, что завтра можно не спешить. Лика сделала глоток чая и блаженно прикрыла глаза.

И в этот момент началось.

Сначала раздался грохот. Не просто грохот, а звук, будто кто-то уронил шкаф, доверху наполненный консервными банками, и этот шкаф еще и проехался по лестнице. Лица вздрогнула, книга выскользнула из рук. Бенедикт подскочил в кресле, выпучив глаза, и уставился на потолок.

— Что это было? — прошептала Лица, хотя кто бы мог ей ответить. Она замерла, прислушиваясь. Тишина. Может, показалось? Может, просто соседи сверху что-то уронили, бывает... Но не успела она перевести дыхание, как вступила вторая партия.

Высокий, визгливый звук врезался в тишину, как дрель в бетонную стену. Или перфоратор. Или, быть может, отбойный молоток. В семь часов вечера пятницы!

— Нет, — сказала Лица вслух. — Этого не может быть. Могло.

Поверх дрели заиграла музыка. Не современная, не та, что звучит в кофейнях и такси, где приятный голос напевает что-то мелодичное. Это был какой-то старый, надрывный рок с хриплым вокалом, от которого, казалось, вибрировали не только стены, но и пломбы в зубах. Гитарный риф врезался в тишину вечера, как нож в масло.

Бенедикт прыгнул с кресла и, прижав уши, ретировался под диван. Из-под дивана доносилось возмущенное фырканье. Лица сидела неподвижно, сжимая в руках книгу. Она пыталась убедить себя, что это временно, что сейчас музыка

стихнет, дрель замолкнет, и снова наступит тишина. Но проходила минута, другая, третья — а звуки не стихали. Напротив, они обретали ритм, пугающую симметрию, будто там, наверху, ставили эксперимент по скрещиванию тяжелого рока со строительными работами.

В семь тридцать Лика поняла: тишина сегодня не наступит. Если она ничего не сделает, этот кошмар будет продолжаться до ночи. А может, и всю ночь.

Она заложила страницу уголком. Она терпеть не могла загибать страницы, для этого у нее были специальные закладки — коллекционные, привезенные из разных городов. Но сейчас это был жест отчаяния. Она аккуратно положила книгу на столик, поставила кружку рядом. Кружка, расписанная золотыми иероглифами (подарок Нины с надписью «Для чайных церемоний в одиночестве»), звякнула о блюде, выражая солидарность с ее настроением.

— Ну почему? — спросила Лика у дивана, из-под которого доносилось обиженное сопение. Диван не ответил.

Лика встала. Она была невысокого роста, чуть выше полутора метров, с тонкими запястьями и копной каштановых волос, которые вечно норовили выбиться из пучка. Дома она носила старый, бесконечно мягкий шерстяной кардиган болотного цвета — он достался ей еще от бабушки и за многие годы стал таким уютным, что Лика не могла с ним расстаться. И тапки в виде зайцев — подарок мамы, сделанный в прошлом году. Тапки были с длинными ушами, забавно выши-

тыми мордочками и внутри отделаны овчиной. Лица их стеснялась до дрожи, особенно когда кто-то приходил в гости, но тапки были удивительно теплыми, и в минуты душевного смятения они казались ей единственной поддержкой.

Сейчас как раз была минута душевного смятения.

— Я только скажу, чтобы сделал потише, — прошептала Лица, набираясь храбрости. — Я имею на это полное право. В конце концов, в доме должен быть порядок. И тишина. Особенно тишина.

Она подошла к двери, накинула халат поверх кардигана (для солидности) и вышла на лестничную клетку. Бенедикт высунул голову из-под дивана и проводил ее взглядом, полным скепсиса. Кот явно считал, что идея идти разбираться с неизвестным монстром, который производит такой шум, не самая лучшая.

— Я скоро, — пообещала Лица и закрыла дверь.

На лестничной клетке было тише, но не намного. Музыка и звуки дрели разносились по всему подъезду, отражаясь от стен и создавая жутковатую акустику. Пахло чужими жизнями: кошачьей мятой от соседей слева (там жила пожилая дама с тремя кошками), жареной картошкой от соседей справа (молодая семья с двумя детьми) и сыростью от старого мусоропровода, который никогда не работал как надо.

Лица поднялась на этаж выше. Здесь шум был просто оглушительным. Казалось, стены вибрируют в такт бас-гитаре. Она позвонила в дверь. Звонка не было слышно, поэтому

она просто постучала кулаком — сначала робко, потом сильнее. Никто не открывал. Она постучала еще раз, уже изо всех сил. И тут заметила, что дверь... не заперта. От ее ударов она чуть приоткрылась, явив взгляду узкую полоску коридора.

Лица замерла. Заходить в чужую квартиру без приглашения? Это нарушение всех мыслимых правил. Но музыка орала так, что звонки и стуки все равно никто не услышит. А терпеть этот кошмар всю ночь она не собиралась. Она толкнула дверь. И увидела картину, достойную кисти художника-сюрреалиста.

1.3. Знакомство с гвоздём в зубах

В узком коридоре, заставленном картонными коробками до самого потолка, стоял молодой мужчина. Высокий, нескладный, с длинными руками и ногами, которые, казалось, он ещё не до конца научился контролировать. Русые волосы торчали в разные стороны, будто он только что вступил в конфликт с электричеством. На нём была мятая футболка с надписью «I'm not weird, I'm limited edition». В одной руке он держал молоток, в другой — гвоздь, а между зубов был зажат шуруп, отчего его лицо приобрело выражение растерянное и одновременно сосредоточенное.

Он смотрел на неё с таким искренним, почти детским удивлением, будто это она ворвалась к нему посреди ночи с оркестром, а не он терроризировал весь дом.

В ухе у него торчал наушник-вкладыш. Белый провод тянулся к карману джинсов. Второй наушник болтался на проводе, как маятник.

· Вы! — начала Лика, стараясь перекрычать бас-гитару, которая продолжала долбить из комнаты. Голос у неё от волнения и злости стал тоньше и выше, почти визгливым. — Вы в курсе, который час?!

Молодой человек вздрогнул, выплюнул шуруп в ладонь и, прищурившись, посмотрел на неё. Взгляд у него был рассеянный, будто он только что вернулся из долгой экспедиции

в Гималаи и ещё не адаптировался к реальности. Но в самой глубине серо-зелёных глаз загорелся живой, любопытный огонёк.

· Эм-м... Среда? — неуверенно предположил он, покосившись на тёмное окно в торце коридора. — Или четверг? Я вообще запутался.

· Пятница! — воскликнула Лика с таким нажимом, что шуруп в его руке, кажется, подпрыгнул. — Семь часов вечера! Пятница! Люди отдыхают! Чай пьют! Книги читают! А у вас тут филиал ада на выезде!

Он моргнул. Раз, другой. Затем вытащил второй наушник, и музыка в квартире стала просто оглушительной — мощный гитарный риф врезался в тишину подъезда, как кувалда в хрусталь. Молодой человек обернулся, словно впервые слышал этот шум, по-хозяйски прошел в комнату (Лика мельком увидела грудку книг, рулон чертежей и огромный фикус в кадке, занимающий полкомнаты) и сделал тихо. Когда он вернулся, лицо его выражало запоздалое понимание ситуации и легкую панику.

· Ой, — сказал он, и в этом коротком междометии поместилось всё: и извинение, и удивление, и какая-то детская непосредственность. — А я в наушниках слушал. Честное слово, не слышал просто. У меня привычка — когда работаю, я надеваю наушники и абстрагируюсь от внешнего мира. Полную изоляцию создаю. Я полку вешаю.

Он показал молотком куда-то в глубь коридора, где дей-

ствительно виднелась свежепросверленная дыра и валялись какие-то деревяшки.

· Я догадалась, Шумахер, — Лика кивнула на молоток, пытаясь унять дрожь в коленях. Адреналин схлынул, и теперь ей стало немного стыдно за свою горячность. — А нельзя это делать, ну, не знаю, в субботу днем? В воскресенье? Когда людям не надо отдыхать после работы?

· Завтра суббота, — резонно заметил он. — Я думал, сегодня суббота. Честное слово, я вообще запутался в днях. Переезд — это полный хаос. Столько бумаг, согласований, чертежи нужно было доделать, дедлайн горит... Я думал, у меня есть целая суббота, чтобы разобрать коробки.

Он говорил спокойно, без тени агрессии. Даже как-то виновато, но без подобострастия. Он просто констатировал факт своей рассеянности. Для него это было в порядке вещей.

· Меня зовут Платон, — вдруг представился он, делая шаг вперед и протягивая ей руку. В руке по-прежнему был зажат гвоздь, торчащий между пальцами, как маленькое копье. — Будем знакомы официально. Сосед сверху.

Лика посмотрела на гвоздь, торчащий из его кулака, на его длинные, в цементной пыли пальцы, и перевела взгляд на свои ноги. Заячьи мордочки с длинными ушами смотрели на неё с пола с неммым укором: «И в таком виде ты вышла на люди?» Ей стало до крайности неловко. Она ворвалась к человеку в тапках с ушами, в бабушкином кардигане, с тор-

чащими из пучка волосами и устроила скандал.

· Лика, — буркнула она, руку не пожав, чтобы не напороться на гвоздь. — Сделайте потише, пожалуйста. И перфоратор уберите.

· Перфоратора у меня нет, — искренне удивился Платон, оглядываясь в коридор, будто перфоратор мог стоять в углу, а он его просто не заметил. — Это я молотком. Наверное, эхо. Стены здесь, знаете, такие... акустические. Хорошо проводят звук. Я когда выбирал квартиру, агент говорила, что звукоизоляция хорошая. Врала, наверное.

Лика закатила глаза так выразительно, что это могло бы стать олимпийским видом спорта. Развернулась и, не прощаясь, ушла к себе. Щелкнула замком, прислонилась спиной к двери и выдохнула.

В квартире было тихо. Слышно было только, как Бенедикт перебирает лапами по паркету, направляясь к своей миске, и как урчит холодильник. Привычные, успокаивающие звуки.

· Платон, — прошептала Лика, глядя в потолок. — С ума сойти. Мало того что шумный, так еще и имя... выдуманное, наверное. На самом деле его Вася зовут. Или Гена. И фамилия, наверное, Иванов.

Она прошла в комнату, легла на диван, уткнулась носом в подлокотник. Бенедикт запрыгнул сверху, потоптался и улегся у неё на ногах, довольно замурчав.

Сверху снова застучали, но уже заметно тише, почти деликатно, будто извиняясь. Видимо, Платон всё-таки абстра-

гировался от звуков, но теперь делал это с оглядкой на соседку снизу.

· Ну хоть что-то, — пробормотала Лика в подушку.

Она закрыла глаза и вдруг поймала себя на мысли, что в его взгляде, когда он смотрел на неё, было что-то... тёплое, что ли? Или это просто показалось?

· Нет, — сказала она вслух. — Не показалось. Но это ничего не значит. Просто вежливость.

Бенедикт фыркнул, выражая скепсис, и принялся вылизывать лапу.

А Лика всё лежала и смотрела в потолок, слушая, как наверху осторожно постукивает молоток. И почему-то этот стук больше не раздражал. Он даже казался... уютным.

· С ума сойти, — снова прошептала она. — Привыкаю, что ли?

1.4. Правило трёх «Нет»

У Лики было правило. Она называла его про себя «правило трёх „Нет“». Нет шуму. Нет беспорядку. Нет чужим в доме.

Она выстроила эту систему не сразу, а постепенно, после того как два года назад закончились отношения, оставившие после себя только усталость и желание запереться в раковине, как улитка. Тот молодой человек — Константин, успешный, уверенный, красивый — оказался чужим настолько, что она до сих пор удивлялась, как могла этого не замечать. Он шумно дышал, шумно ел, шумно занимал собой пространство, не оставляя ей воздуха. Он приходил и уходил, когда хотел, приводил друзей без предупреждения, оставлял после себя горы немытой посуды и чувство, что её мнение ничего не значит.

Когда они расстались (он ушёл сам, к более «живой», как он выразился, девушке), Лика вздохнула с облегчением. Она поменяла замки, переставила мебель и поклялась, что больше никогда и никому не позволит нарушать её покой.

С тех пор она жила одна. С Бенедиктом. С книгами. С тишиной.

Правило трёх «Нет» работало безотказно. Оно защищало от разочарований, от лишних волнений, от необходимости подстраиваться. Лика знала: её дом — её крепость. А в кре-

пости не должно быть посторонних звуков.

Поэтому, когда на следующий день после знакомства с Платоном, спускаясь за почтой, она увидела в своём ящике сложенный вчетверо листок, её первой реакцией было раздражение. «Что ещё? Записка из ЖЭКа? Реклама?» Но это был не ЖЭК.

На листке крупным, немного детским, но очень аккуратным почерком было написано:

«Ли́ка, извините за вчерашнее. Я действительно не подумал. Обещаю больше не шуметь в нерабочее время. Если вдруг нужна будет помощь — я всегда наверху. У меня есть верёвка, молоток, набор отвёрток, огнетушитель и даже запасная лампочка. Вдруг пригодится. Платон. P.S. У вас очень красивое имя. Я погуглил — это уменьшительное от Лилия или Галина? Если не секрет».

Она хмыкнула и хотела выбросить записку в мусоропровод прямо там, на лестнице. Но почему-то не выбросила. Сунула в карман халата, потом переложила в ящик кухонного стола, под салфетки. «На память о сумасшедшем соседе», — подумала она. А про себя отметила: «Погуглил он, значит. Интересно».

Бенедикт, проходивший мимо, заметил её движение и остановился, внимательно глядя на хозяйку.

· Что? — спросила Ли́ка. — Ничего особенного. Просто сосед извиняется.

Кот посмотрел на неё с выражением: «Ты же не думаешь,

что это конец истории?»

· Думаю, — твёрдо сказала Лика. — Конец. Точка. Правило номер один — нет шуму. Он обещал не шуметь. Значит, инцидент исчерпан.

Бенедикт фыркнул, развернулся и ушел на подоконник — ловить солнечных зайчиков. Его мнение осталось при нём.

Лика отвернулась к окну. За окном шёл дождь, тихий, ровный, успокаивающий. Капли стекали по стеклу, собирались в ручейки и убегали куда-то вниз. Она любила такие дожди — они создавали идеальный фон для размышлений.

Она думала о записке. О том, что человек, который пишет такие смешные извинения и предлагает помощь с лампочкой, не может быть совсем плохим. О том, что в его глазах было что-то... настоящее. Без фальши.

· Нет, — одёрнула она себя. — Никаких «настоящих». Константин тоже сначала казался настоящим. А потом...

Она не договорила. Бенедикт, услышав имя бывшего, дёрнул ухом и демонстративно отвернулся — он терпеть не мог Константина с первой встречи.

Лика вздохнула, налила себе чаю и села в кресло с книгой. Но строчки не читались. Перед глазами стояло лицо этого странного Платона с гвоздём в зубах и торчащими волосами.

· Платон, — повторила она вслух. — Какое дурацкое имя. Но красивое.

Она ещё не знала, что правила существуют для того, чтобы их нарушать. И что это имя скоро станет самым важным

в её жизни. А пока было просто дождливое субботнее утро, за окном моросил дождь, на коленях дремал кот, а в ящике стола, под салфетками, лежала записка от странного соседа, который обещал больше не шуметь.

И, кажется, сдерживал обещание. Сверху было тихо. Со-
всем тихо. Подозрительно тихо.

· Вот и хорошо, — сказала Лика, стараясь убедить в этом не столько Бенедикта, сколько себя. — Вот и замечательно.

Глава 2. Человек с мотком верёвки

2.1. Воскресная катастрофа

История с шумным соседом могла бы забыться, как забываются случайные дорожные происшествия или мимолетные раздражения в общественном транспорте, если бы через две недели в жизни Лики не случилось событие, которое она впоследствии называла не иначе как катастрофой.

Катастрофа имела рыжий окрас, пушистый хвост с белым кончиком и отзывалась на имя Бенедикт.

Было воскресное утро. То самое драгоценное утро, когда не нужно никуда спешить, когда можно долго пить кофе в пижаме, слушая, как за окном перекликаются воробьи, и чувствовать себя владычицей собственного времени. Лика решила проветрить квартиру. Она подошла к окну в гостиной, распахнула обе створки настежь, впуская прохладный, пахнувший первой осенней свежестью воздух, и ушла на кухню варить кофе в турке.

Она стояла у плиты, наблюдая, как поднимается коричневая пенка, вдыхала пряный аромат кардамона, который всегда добавляла в кофе, и размышляла о новом проекте в издательстве — книге молодого автора о путешествиях по заброшенным деревням. Текст был сыроват, но в нём чувствовался

лась подлинная жизнь, и Лике нравилось в нём копаться, вычищая ошибки и находя жемчужинки точных, свежих фраз.

Когда она вернулась в гостиную с дымящейся чашкой, окно было по-прежнему открыто, а подоконник пуст.

Сначала она не придавала этому значения. Бенедикт мог уйти на кухню, мог забраться под кровать, мог занять свой наблюдательный пост у другого окна, выходящего во двор. Она позвала его:

· Бенедикт! Кис-кис-кис. Рыбку дам.

Тишина. Только ветер шевелил занавеску, надувая её пузырьрём.

Лица обошла всю квартиру. Заглянула под кровать, в шкаф (иногда кот ухитрялся туда пробраться), на антресоли. Бенедикта нигде не было. Сердце неприятно ёкнуло, где-то под ложечкой образовался холодный ком. Она вернулась в гостиную и выглянула в окно.

Внизу, на узком железном козырьке, который нависал над входом в магазин «Продукты» на первом этаже, сидел он. Бенедикт. Философ и домосед, путешественник поневоле. Он сидел, поджав под себя лапы, и смотрел на пролетающих мимо голубей с выражением, в котором смешались недоумение, обида и плохо скрываемый страх. Он напоминал потерпевшего кораблекрушение, который наконец добрался до необитаемого острова и теперь не знает, что делать дальше.

Козырёк находился этажом ниже, метрах в четырёх от её окна по диагонали. Прыгать обратно кот не решался —

слишком высоко и страшно. До земли было далеко, а магазин по воскресеньям не работал.

· Бенедикт! — закричала Лика, высунувшись из окна по пояс. Волосы её тут же растрепал ветер, хлестнув по лицу. — Сидеть смирно! Слышишь? Не вздумай прыгать! Я сейчас!

Кот обернулся на её голос и жалобно, протяжно мяукнул. В этом мяу слышалось: «Я здесь, хозяйка, и я, кажется, совершил фатальную ошибку, переоценив свои возможности. Я в отчаянии. Спаси меня».

Лика выбежала на лестницу. Мысли метались в голове лихорадочно, обгоняя одна другую. Нужно попасть в квартиру снизу, под её, чтобы оттуда, с их окна или балкона, попробовать достать кота. Но дверь снизу была заперта массивной железной дверью с хитрым замком, а звонок, судя по оторванным проводам и следам многолетней краски на кнопке, не работал уже, наверное, лет десять.

Она позвонила соседям напротив — никто не открыл. Набрала номер управляющей компании — автоответчик равнодушно сообщил, что они работают по будням с девяти до шести.

Паника нарастала, подкатывая к горлу липким, тошнотворным комом. Бенедикт был не просто котом. Он был её семьёй, единственным существом, которое встречало её с работы, мурлыкало ей в ухо по ночам и молчаливо разделяло её любовь к тишине и покою. Мысль о том, что он может сорваться, разбиться, исчезнуть, была невыносима.

И тут, когда она уже готова была сесть на холодный каменный пол лестничной клетки и зарыдать от бессилия, дверь сверху открылась.

На пороге стоял Платон.

Он был одет в растянутые спортивные штаны с пузырями на коленях и старый, выцветший свитер крупной вязки, который, судя по многочисленным катышкам, видел лучшие дни. Но взгляд его был совершенно трезв и собран — ни следа той рассеянности, что Лика наблюдала при первой встрече. В руках он держал моток профессиональной альпинистской верёвки ярко-оранжевого цвета, а через плечо у него была перекинута обвязка из ремней и карабинов.

· Я услышал, что кто-то бежит по лестнице, — сказал он, глядя на неё сверху вниз. Голос его звучал спокойно, даже деловито. — А у вас лицо... такое лицо бывает у человека, которому срочно нужна верёвка. Что случилось?

· Мой кот! — выдохнула Лика, показывая дрожащей рукой в сторону окна на лестничной клетке. — Там, на козырьке магазина! Он выпал! А в квартиру снизу не попасть, никто не открывает, звонок сломан, я не знаю, что делать!

Платон кивнул, будто она сообщила ему нечто вполне ожидаемое и даже рядовое. Подошёл к окну, распахнул его, высунулся наружу и принялся внимательно оглядывать фасад. Лика видела, как его глаза быстро скользят по стене, карнизам, водосточным трубам, пожарным лестницам. Он слов-

но сканировал здание, считывая его архитектурный код.

· Это не козырёк магазина, — сказал он наконец, возвращаясь в коридор. — Это старый пожарный выход. В домах этой серии их делали в пятидесятых. Если пройти по карнизу от квартиры этажом ниже, там есть небольшая техническая площадка перед вентиляционной шахтой. Видите? — он снова высунулся и показал ей рукой. — До неё метра полтора. Но лезть туда... страшновато. Карниз узкий, перил нет.

· Вы что, альпинист? — Лика смотрела на верёвку с надеждой и ужасом одновременно.

Платон улыбнулся. Улыбка у него была хорошая — открытая, чуть кривоватая, осветившая его некрасивое, но выразительное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.